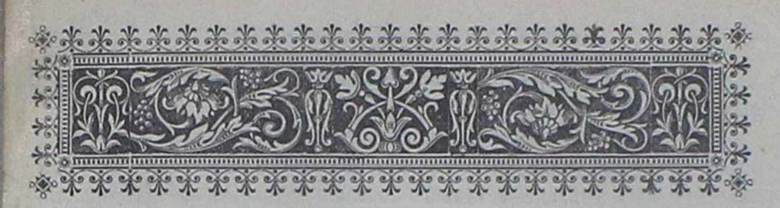
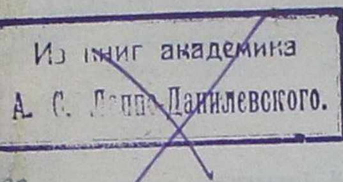
Бычков

Сперанский в Великополье
и Пензе

541622

9(С)1
Б959
541698

Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ [1]).

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

6.

Князь А. Н. Голицынъ—Сперанскому.

Москва, 16-го генваря 1818 г.

Милостивый государь мой Михайла Михайловичъ.

Благодаря душевно ваше превосходительство за поздравленіе съ свѣтлымъ праздникомъ Рождества Христова и съ наступающимъ новолѣтіемъ, взаимно и васъ поздравляя съ оными, желаю вамъ сего благодатнаго рожденія Искупителева вкусить въ глубинѣ души вашей, ибо оно есть единственная цѣль промысла о насъ Божія и единое на потребу.

Письмо ваше государю императору [2]) представилъ, и въ отвѣтъ на оное здѣсь прилагается высочайшій рескриптъ [3]).

Въ разсужденіи мнѣнія вашего о соединеніи въ одно министерство духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, я совершенно съ вами согласенъ; но признаюсь, что, ежели бы надѣялся на собственныя силы, никогда бы не осмѣлился принять званія, на меня возложеннаго непремѣнною волею государя. По моимъ способностямъ я долженъ былъ отказываться, но когда его величество, зная меня, со всѣмъ тѣмъ хотѣлъ употребить

---

[1]) См. „Русскую Старину“ 1902 г., іюнь.

[2]) Отъ 25-го декабря 1817 г. (напеч. въ „Жизни графа Сперанскаго“, т. II, стр. 138).

[3]) Отъ 13-го января 1818 г. (напеч. тамъ же, стр. 138—139).

къ такому мѣсту, которое никогда не было моимъ предметомъ, то должно было повиноваться волѣ Божіей.

При семъ позвольте себѣ попенять за ваше столь долгое молчаніе, я уже не помню, когда предпослѣднее письмо отъ васъ получилъ. Примите при семъ увѣреніе истиннаго почтенія и таковой же преданности, съ коими честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

7.

Сперанскій—князю А. Н. Голицыну.

28-го января 1818 г.

Письмо вашего сіятельства отъ 16-го сего мѣсяца и приложенный при немъ рескриптъ всемилостивѣйшаго государя я имѣлъ честь получить и приношу вамъ, милостивый государь, совершеннѣйшую и искреннюю мою благодарность.

Когда я писалъ о соединеніи въ одно министерство духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія, тогда не дошло еще до меня учрежденіе сего министерства. Нынѣ, прочитавъ его со вниманіемъ, я болѣе еще порадовался и утвердился въ сей мысли. Я не поздравлялъ и нынѣ не буду поздравлять васъ съ симъ званіемъ; въ свѣтѣ такъ много лжи, что есть нѣкоторая застѣнчивость говорить даже и истину; но не могу умолчать, что то же самое Провидѣніе, которое распредѣляетъ званія, обыкновенно даетъ и силу къ ихъ прохожденію, когда принимаютъ ихъ безъ притязанія и проходятъ съ покорностію святой Его волѣ. Впрочемъ, во всѣхъ званіяхъ, а наипаче въ вашемъ, твердый и здравый образъ мыслей и духъ благочестія, всегда и вездѣ животворный, есть единое на потребу; все прочее само собою прилагается.

Я долженъ еще вашему сіятельству дать отчетъ въ книгѣ Подражанія, которая и по сіе время еще не въ печати. При чтеніи первыхъ трехъ частей нѣкоторымъ знатокамъ въ Петербургѣ показалось, что переводъ не довольно гладокъ; я истребовалъ его сюда и нашелъ мнѣніе ихъ справедливымъ.

Принялся поправлять; а между тѣмъ доставили ко мнѣ новое латинское изданіе сей книги, въ 1810-мъ году напечатанное, исправнѣйшее, нежели всѣ доселѣ бывшія; сіе заставило меня все вновь пересмотрѣть, и теперь надѣюсь, что переводъ дѣйствительно будетъ лучше. Какъ скоро окончу, то и доставлю его по прежнему назначенію. А. Ф. Лабзинъ вызывается самъ смотрѣть за изданіемъ; по малой опытности въ сихъ дѣлахъ г. Цейера и по болѣзненному его состоянію, сіе предло-

женіе считаю я весьма обязательнымъ и нынѣ же о семъ къ нему пишу [1]).

Сколь ни лестенъ для меня упрекъ вашего сіятельства въ долговременномъ молчаніи, но никогда не дозволю себѣ часто занимать васъ, среди важныхъ дѣлъ, безплодною моею бесѣдою, хотя, признаюсь, бесѣдовать съ вами въ откровенности есть и всегда будетъ для меня однимъ изъ лучшихъ моихъ утѣшеній.

Съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ и преданностію и проч.

8.

Сперанскій—князю А. Н. Голицыну.

12-го февраля 1818 г.

Получивъ отъ Д. А. [2]) списокъ съ высочайшаго указа о пожалованіи мнѣ земли [3]) и полагая, что его величество уже въ Москвѣ, покорнѣйше прошу ваше сіятельство поднести всемилостивѣйшему государю при удобномъ случаѣ благодарное письмо [4]), при семъ прилагаемое.

По истинѣ даръ сей есть великая для меня милость. Покупка здѣсь деревни и предыдущія мои обстоятельства завели меня въ долги, изъ коихъ безъ высшей помощи не зналъ я, какъ вытти. Теперь, благодареніе Богу, все само собою устроится, а на мнѣ останется одинъ долгъ всегдашней благодарности.

Сохраните, милостивый государь, драгоцѣнное ваше ко мнѣ расположеніе и вѣрьте всей искренности чувствъ, основанныхъ не на внѣшнихъ соображеніяхъ, но на истинномъ и внутреннемъ уваженіи, съ коимъ честь имѣю быть и проч.

9.

Сперанскій—князю А. Н. Голицыну.

3-го декабря 1818 г.

Утѣшенъ и успокоенъ письмомъ вашего сіятельства отъ 18-го ноября, вчера мною полученнымъ, поспѣшаю принести вамъ искреннюю

---

[1]) Извлеченіе изъ этого письма Сперанскаго къ Лабзину см. въ „Русскомъ Архивѣ" 1867 года, № 3, столб. 434—435.

[2]) Т. е. Дмитрія Александровича Гурьева, министра финансовъ.

[3]) Высочайшимъ указомъ отъ 23-го января 1818 г. Сперанскому было пожаловано 5.000 десятинъ въ Саратовской губерніи (см. „Жизнь графа Сперанскаго", т. II, стр. 140).

[4]) Напеч. тамъ же, стр. 140.

благодарность и вмѣстѣ признаніе, что я совершенно виноватъ. Точная истина, что я на госпожу К. [1]) смотрѣлъ съ другой точки зрѣнія; согласиться съ вами не могъ, а противорѣчить не хотѣлъ, а потому и рѣшился промолчать, разсчетъ, который тогда казался мнѣ благоразумнымъ, а теперь кажется малодушнымъ и довѣрію ко мнѣ вашему несоразмѣрнымъ. Мысль о симбирскихъ вѣстяхъ пришла мнѣ въ голову единственно потому, что я обыскивалъ себя со всѣхъ сторонъ, чтобъ найти хотя маловѣроятный поводъ; впрочемъ, вреда отъ сихъ вѣстей я не опасаюсь: ибо семилѣтняя отвычка есть лучшій и самый простой отвѣтъ на всѣ предположенія.—Салватори [2]) я зналъ въ Перми, и хотя по тогдашнему моему положенію не могъ быть съ нимъ знакомъ коротко, но имѣю понятіе о свѣдѣніяхъ его, дѣйствительно обширныхъ и разнообразныхъ. Онъ довольно, бѣдный, потерпѣлъ, чтобъ быть достойнымъ благодѣтельнаго вашего призрѣнія и покровительства.

Мы здѣсь съ удовольствіемъ слышимъ и читаемъ, что Новый Завѣтъ издается на русскомъ языкѣ. Послѣ сего предпріятія, безъ сомнѣнія, самое полезнѣйшее было бы перевести также на русской или хотя на полуславянской языкъ псалтырь. Я называю полуславянскимъ то, чтобъ, сохранивъ обороты, свойственные церковному нашему языку, перемѣнить только нѣкоторыя слова обветшалыя или неудобопонятныя. Но переводъ должно составить съ еврейскаго. Сіе весьма много послужило бы къ ясности и удобнѣйшему разумѣнію. Извѣстно, что сію часть Священнаго Писанія наиболѣе читаютъ, и что на ней большею частію обращается вся наша служба церковная. Переводъ съ еврейскаго былъ бы лучшимъ ея толковникомъ. Удивительно, сколько высокихъ истинъ заключается въ псалмахъ! Что значатъ всѣ мистическіе писатели нашего времени въ сравненіи съ симъ древнимъ и по истинѣ богодухновеннымъ ученіемъ. Надписи на псалмахъ, еврейскими позднѣйшими писателями положенныя, отводятъ отъ истиннаго внутренняго ихъ смысла, относя и сжимая значеніе ихъ въ кругъ гражданской и политической жизни царя-пророка, между тѣмъ какъ всѣ мысли его изображаютъ внутреннее состояніе его души, гонимой, страждущей и спасаемой; брань его не есть брань къ крови и плоти, но къ духовомъ злобы поднебеснымъ. Посему-то и Церковь, находя въ нихъ самое точное приложеніе къ душѣ каждаго воюющаго христіанина, ввела ихъ въ существенный составъ ея службы.

Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» имѣются еще два слѣдующія письма его изъ Пензы къ находившемуся

[1]) Извѣстную г-жу Криднеръ.
[2]) Извѣстнаго доктора.

съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ Дмитрію Марковичу Полторацкому, извѣстному сельскому хозяину (отцу библіофила и библіографа Сергѣя Дмитріевича Полторацкаго):

1.

Пенза, 16-го генваря 1817 года.

Не можете ли вы мнѣ изъяснить, любезный другъ Дмитрій Марковичъ, какимъ образомъ, получивъ письмо ваше здѣсь въ ноябрѣ, отвѣчаю только въ генварѣ, собираясь писать къ вамъ каждую почту, каждый почти день?—Странной духъ отлагательства, которой мучилъ меня всю мою жизнь, и теперь еще мучитъ. Чѣмъ болѣе считаю я на снисхожденіе друзей моихъ, чѣмъ болѣе увѣренъ въ независимости ихъ чувствъ отъ внѣшнихъ изъясненій, тѣмъ болѣе дозволяю себѣ отступать отъ формъ обыкновенныхъ.

Я прибылъ сюда 20-го октября; принятъ здѣшнимъ многолюднымъ дворянствомъ съ отличною ласкою. Люди здѣсь дѣйствительно добрые, земля благословенная; какая сила природы! какой кладъ богатствъ неистощимыхъ! Если бы я былъ чародѣй, я бы переносилъ васъ изъ одной губерніи въ другую; дарилъ бы вамъ за ничто большія помѣстья и заставлялъ бы васъ творить земледѣльческія ваши чудеса попеременно въ Олонцѣ и въ Пензѣ, въ Новѣгородѣ и въ Тамбовѣ.

Письмо ваше къ государю и всѣ подробности вашей встрѣчи много меня утѣшили и ободрили. Письмо прекрасное и по содержанію, и по слогу; вообще линія поведенія вашего въ семъ дѣлѣ соображена весьма умно и основательно.

Благодарить ли мнѣ васъ за намѣреніе ваше о молотильной машинѣ? Безъ меня она, кажется, не пойдетъ; но я благодарю за предположеніе ваше точно такъ, какъ бы самъ ею пользовался. Мнѣ не дозволено, видно, въ семъ мірѣ основать ничего прочнаго. Такъ поднялись на воздухъ всѣ мои затѣи великопольскаго хозяйства. Не ропщу, но смѣюсь иногда внутренно перемѣнчивости судьбы моей и радуюсь впрочемъ, что у меня, какъ у ребенка, вырываются всѣ мои игрушки по мѣрѣ того, какъ я къ нимъ пристращаюся. Выдетъ ли что-нибудь изъ сего образа воспитанія, не знаю; но увѣренъ совершенно, что онъ есть наилучшій. Прощайте, любезный другъ; душевно васъ обнимаю. М. Сперанскій.

P. S. Письмо сіе было совсѣмъ готово къ отправленію въ Калугу, какъ получаю сейчасъ другое письмо ваше отъ 15-го декабря, надписанное въ Нижній. Сія ошибка произвела тамъ по обыкновенію множество догадокъ и предположеній. По сему письму ожидали меня

туда; наконецъ одинъ добрый человѣкъ привезъ его сюда съ собою. Итакъ, машина моя скоро будетъ, или и доставлена уже, въ Великополье, прежде нежели собрался я васъ благодарить. Въ письмѣ есть немножко гнѣву; но и подѣломъ! Но никогда не можете вы мнѣ сдѣлать столько упрековъ, сколько я дѣлаю ихъ себѣ. Впрочемъ гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Я боюсь только вашего молчанія. Не подражайте мнѣ; пишите сколько можно болѣе и чаще и вѣрьте всей искренности чувствъ моихъ, исполненныхъ дружбы и сердечнаго почитанія. Пишу къ Масальскому [1]), чтобъ изъ первыхъ моихъ доходовъ отсчиталъ онъ тысячу рублей за машину: ибо долгъ платежемъ красенъ. Но нравственный долгъ останется вѣчно на мнѣ.

2.

Пенза, 12-го марта 1818 г.

Не совѣстно ли вамъ, любезный мой Дмитрій Марковичъ, имѣть въ Пензенской губерніи деревню, и не сказать мнѣ о томъ ни слова, и быть недовольну управителемъ, и отнять у меня изъ рукъ случай сдѣлать для васъ что-либо полезное или пріятное. Непростительно по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, доколѣ не пришлете вы мнѣ подробной записки о всемъ, что вамъ нужно по сему имѣнію, чтобъ привесть его въ порядокъ. Здѣшніе господа помѣщики вообще меня любятъ, а многіе любятъ даже и отъ сердца. Слѣдовательно, пособія сего рода весьма для меня удобны. Никто не откажется услужить вамъ надзоромъ, ревизіею, всѣмъ, что будетъ нужно. По рѣдкому счастію даже и исправникъ того уѣзда, гдѣ лежитъ ваше имѣніе, есть старикъ честной и основательной.

И я проповѣдаю здѣсь ротацію полей и даже помышляю съ будущаго лѣта ввести ее въ здѣшней моей деревнѣ, безлѣсной, но благословенной тучными полями. Ѳеорій большихъ не нужно тамъ, гдѣ столѣтній ручается опытъ. Вообще должно сказать къ чести нашего дворянства, что нынѣ несравненно болѣе занимаются сельскимъ хозяйствомъ, нежели прежде, ищутъ усовершенія, часто идутъ ощупью на угадъ, но все идутъ впередъ.

Поздравляю васъ съ помѣщеніемъ сына вашего въ лицеѣ одесскомъ. При самомъ первомъ его основаніи я бесѣдовалъ о немъ съ дюкомъ де-Ришелье, которой отличалъ меня своимъ довѣріемъ, и тогда уже я какъ бы предчувствовалъ счастливое событіе. Ваше замѣчаніе весьма справедливо; домашнее воспитаніе не свойственно дѣтямъ мужеска пола.

---

[1]) Петру Григорьевичу, завѣдывавшему денежными дѣлами Сперанскаго.

Ихъ первая наука есть бороться съ самолюбіемъ своимъ и съ самолюбіемъ другихъ. Гдѣ же найти дома сію борьбу, необходимую для развитія душевныхъ силъ.

Прощайте, любезный другъ; примите свидѣтельство искреннаго почитанія и приверженности неизмѣняемой. М. Сперанскій.

Лѣтомъ 1818 года пріѣхалъ въ Пензу, проѣздомъ въ свои саратовскія имѣнія, графъ Нессельродъ, тогда уже управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. При этомъ свиданіи Сперанскій передалъ ему желаніе быть назначеннымъ въ сенаторы, чтобы положить конецъ своей «очистительной» службѣ, и просилъ, при случаѣ, завести о томъ рѣчь съ государемъ. Нессельродъ исполнилъ просьбу Сперанскаго, который, по полученіи его благопріятнаго отзыва, поспѣшилъ 1-го августа отослать С. К. Вязмитинову, для представленія государю, письмо, которымъ просилъ сенаторскаго званія, хотя бы съ оставленіемъ его вмѣстѣ, «на нѣкоторое время, если угодно будетъ», и въ настоящей должности. Отвѣтъ Вязмитинова, въ которомъ онъ сообщалъ, что государь соизволилъ принять это письмо весьма милостиво и оставить у себя, не соотвѣтствовалъ ожиданію Сперанскаго; отвѣтъ значилъ, что просьба принята къ свѣдѣнію и останется—безъ исполненія. Но для Сперанскаго вопросъ былъ слишкомъ важенъ; онъ не могъ довольствоваться такимъ уклончивымъ, неопредѣленнымъ отзывомъ и потому попытался обратиться еще къ графу В. П. Кочубею, который, послѣ двухлѣтняго пребыванія за границею, занималъ въ это время должность предсѣдателя департамента Государственнаго Совѣта, но, при посредствѣ своихъ связей и положенія въ обществѣ, продолжалъ пользоваться большимъ на все вліяніемъ. Письмо къ нему Сперанскаго, отъ 21-го сентября 1818 г., было слѣдующаго содержанія [1]):

«Отправленіе отсюда моей дочери подаетъ мнѣ случай возобновить себя въ памяти вашего сіятельства и представить новое увѣреніе въ давнишней и непоколебимой моей преданности.

«По участію, которое ваше сіятельство всегда принимали въ судьбѣ моей, я считаю долгомъ прежде всего дать вамъ краткій отчетъ въ похожденіяхъ моихъ съ тѣхъ поръ, какъ отсутствіе ваше за границу могло ихъ сокрыть изъ вашего виду. Въ счастіи и въ несчастіи доброе ваше мнѣніе всегда было и будетъ однимъ изъ лучшихъ моихъ утѣшеній.

«При самомъ отбытіи вашемъ изъ Петербурга, письмомъ къ его величеству и въ особенности къ графу Аракчееву [2]) я просилъ суда и

[1]) Въ „Жизни графа Сперанскаго“ изъ этого интереснаго письма приведена (т. II, стр. 153—154) лишь небольшая выдержка.

[2]) Изъ Великополья.

*

рѣшенія. Всѣ опасности сего поступка я принималъ на свой страхъ, а непріятелямъ моимъ представлялъ всѣ способы поправить ошибку самымъ благовиднымъ образомъ. На случай одной крайности я присовокуплялъ къ сему другое средство: службу. Изъ двухъ однакоже именно выбрали худшее, и меня, ни оправданнаго, ни обвиненнаго, послали оправдываться и вмѣстѣ управлять правыми [1]). А чтобъ довершить всю странность сего положенія, то примкнули ко мнѣ Магницкаго, поставивъ такимъ образомъ мое поведеніе не только въ связи, но и въ зависимости отъ его порывовъ. Одинъ Богъ сохранилъ меня отъ печальныхъ предзнаменованій, съ коими появился я въ губерніи. По счастью, и единственно по счастью, добрый смыслъ дворянства и особенно старинная связь моя съ Столыпиными мало-по-малу разсѣяли всѣ предубѣжденія. Ихъ совѣтами и ихъ сильною помощью я сталъ здѣсь помѣщикомъ, и хотя зашелъ въ долги, но за то примирился со всѣми подозрѣніями и пріобрѣлъ почти общую къ себѣ привязанность [2]). Между тѣмъ сношеніями и дѣлами мирился я и съ Петербургомъ. Дмитрій Александровичъ [3]) одинъ изъ первыхъ ко мнѣ обратился. По его ходатайству получилъ я продолженіе аренды, нѣкогда вами мнѣ присвоенной, и землю въ Саратовѣ. Вообще по всѣмъ частямъ министерствъ я не встрѣчалъ ничего, кромѣ пріятнаго. Его величество, сверхъ милостиваго вниманія ко всѣмъ моимъ представленіямъ по службѣ, удостоилъ меня двумя благосклонными и совершенно въ партикулярномъ и отъ службы независимомъ слогѣ рескриптами. Въ нихъ нашелъ я и то драгоцѣнное мнѣ увѣреніе, что государь не сомнѣвается въ искренности и преданности чувствъ моихъ. Такимъ образомъ худое начало произвело добрыя послѣдствія. Домашнія дѣла мои между тѣмъ устроиваются, и какъ скоро удастся мнѣ окончить начатую продажу петербургскаго дома и новгородской деревни: то я буду имѣть состояніе небольшое, но чистое и независимое. Мнѣ останется послѣ сего желать отойти отъ службы съ нѣкоторою благовидностью, а именно пройти въ отставку чрезъ Сенатъ. Въ семъ намѣреніи я просилъ чрезъ Сергѣя Кузьмича [4]) сдѣлать меня сенаторомъ, оставивъ, ежели будетъ угодно, на время въ настоящемъ мѣстѣ. Просьба сія пришла поздно; но принята, какъ меня формально извѣстили, весьма милостиво и оставлена у государя.

«Между тѣмъ и прежде, нежели изъявилъ я сіе желаніе, были уже

---

[1]) Намекъ на указъ Сенату 30-го августа 1816 г. о назначеніи Сперанскаго пензенскимъ губернаторомъ.

[2]) 15-го января 1819 г. пензенское дворянство поднесло Сперанскому благодарственный адресъ (см. „Жизнь графа Сперанскаго“, стр. 131—132).

[3]) Гурьевъ, министръ финансовъ.

[4]) Вязмитинова.

здѣсь довольно вѣрные слухи объ учрежденіи областныхъ правленій и о предположеніи вмѣстить и меня въ число избранныхъ [1]). Гдѣ не спрашиваютъ, тамъ, конечно, остается только повиноваться; но еслибы оставлено было мѣсто какому-либо выбору: то по всѣмъ расчетамъ предпочелъ бы я скромное свое предположеніе почетному чужому.

«Разсуждая вообще, нѣчто похожее на то, что придумано было во Франціи, помнится Тюрго, и потомъ отчасти приведено въ дѣйствіе Неккеромъ подъ имянемъ administrations provinciales, безъ сомнѣнія, весьма полезно было бы для Россіи. Учрежденіе таковое въ высшихъ политическихъ отношеніяхъ послужило бы къ образованію общаго народнаго мнѣнія, безъ коего самыя благонамѣренныя правительства не могутъ иначе двигаться, какъ ощупью и наудачу; въ видахъ управленія оно послужило бы къ лучшему распорядку податей и къ пресѣченію вопіющихъ злоупотребленій. Но сколько предметовъ должно обозрѣть и пріуготовить прежде, нежели введено будетъ сіе учрежденіе! Областные начальники должны явиться не только съ полными инструкціями, но и съ готовыми матеріалами или обдуманными проектами разныхъ полезныхъ учрежденій. Никогда не должно выпускать изъ виду, что совѣты полезны только для совѣщанія на обдуманные и уложенные уже предметы; всякое сословіе, по существу своему, есть нестройная толпа, какъ скоро заставятъ его составлять, а не судить уже составленное. Если областные начальники явятся среди собраній своихъ съ пустыми, такъ сказать, руками, то лучшіе изъ нихъ пристыдятъ себя. Все величіе и умъ Екатерины не могли избѣжать сей судьбы, когда въ 1762 г. собраны были законодатели прежде, нежели уложены были законы. Прекраснѣйшая инструкція (Наказъ) ни къ чему не послужила. Я понимаю, что предметъ областныхъ начальниковъ не можетъ быть столь огроменъ; но если дѣло ихъ ограничится только тѣмъ, чтобъ ввести или предположить лучшій и уравнительнѣйшій распорядокъ въ губернскихъ сборахъ и издержкахъ: то сіе безъ шуму и уновленій могутъ легко сдѣлать и губернаторы съ предводителями, если сдѣлать имъ прикажутъ и дадутъ способы и правила. Если же дѣло областныхъ начальниковъ состоять будетъ въ томъ, чтобъ ввести вообще лучшій порядокъ губернскаго управленія, то еще повторяю, они должны привезти съ собою готовыя къ сему учрежденія, такъ чтобы оставалось только сообразить ихъ съ мѣстными обстоятельствами и уважить опытнымъ совѣтомъ. Безъ сего всѣ ихъ предположенія плавать будутъ по воздуху и никогда ничего твердаго не составятъ.

[1]) См. въ письмѣ графа К. В. Нессельрода къ Сперанскому („Жизнь графа Сперанскаго", т. II, стр. 151). Здѣсь идетъ рѣчь о предполагавшемся раздѣленіи Россіи на генералъ-губернаторства.

«Если бы теперь вопросили, какія же для внутренняго устройства Россіи учрежденія наиболѣе нужны,—не теряясь въ воздушныхъ высотахъ, можно бы было съ достовѣрностію отвѣтить: всего нужнѣе учрежденіе, или уставъ объ управленіи губерній. Настоящее учрежденіе ни времени, ни пространству дѣлъ, ни народонаселенію, ни уму управляемыхъ не соразмѣрно. Пересмотръ его и соображеніе есть первая потребность губерній. Доколѣ будутъ онѣ состоять на настоящемъ инвалидномъ положеніи: дотолѣ, можно рѣшительно сказать, духъ народный и общее нравственное образованіе не только не пойдутъ впередъ, но отъ одного года къ другому будутъ отставать назадъ.

«Мысль о лучшемъ губернскомъ уставѣ сама собою уже приведетъ къ другимъ учрежденіямъ, для внутренняго гражданскаго порядка необходимымъ; къ учрежденіямъ, кои во всѣхъ случаяхъ должны предшествовать преобразованіямъ политическимъ, если желаютъ, чтобъ сіи послѣднія когда-либо у насъ возникли съ прочною пользою и безъ потрясеній. Словомъ: добрая администрація есть первый шагъ; а въ администраціи правила и учрежденія занимаютъ первое мѣсто; выборъ и нарядъ исполнителей второе; слѣдовательно, начинать съ нихъ есть начинать дѣло съ конца.

«Я переступилъ, можетъ быть, всѣ предѣлы приличія, войдя въ разсужденія, для меня почти чуждыя. Но я считаю за грѣхъ утаить отъ васъ образъ моихъ мыслей въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ, по общему мнѣнію, приписываютъ вамъ сильное участіе и отъ коего, именно потому, что вы въ немъ участвуете, ожидаютъ важныхъ и благотворныхъ послѣдствій.

«Обращаясь лично къ себѣ, я прошу и желаю одной милости, а именно, чтобъ сдѣлали меня сенаторомъ и потомъ дали бы въ общемъ и обыкновенномъ порядкѣ чистую отставку. Послѣ сего я побывалъ бы на мѣсяцъ или на два въ Петербургѣ единственно для того, чтобъ заявить, что я болѣе не ссыльный и что изгнаніе мое кончилось.

«Въ постепенномъ приближеніи къ сей единственной, неподвижной цѣли, которую одну я буду преслѣдовать не только постоянно, но даже съ несвойственнымъ мнѣ упрямствомъ, я буду всегда полагать мою надежду на сильное ваше содѣйствіе по мѣрѣ случаевъ и возможности, кои представиться къ тому могутъ. Я не имѣю другихъ правъ на сію надежду, кромѣ искренней моей къ вамъ преданности и вѣрныхъ опытовъ вашего въ судьбѣ моей участія.

«Съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ и проч.».

Кочубей на это письмо Сперанскаго прислалъ обширный отвѣтъ, отъ 18-го октября 1818 г. [1]):

[1]) Небольшой отрывокъ изъ этого письма приведенъ въ „Жизни графа Сперанскаго“, т. II, стр. 154—156.

«Вы себѣ легко представить можете, по чувствамъ моимъ къ вамъ, милостивый государь мой Михайло Михайловичъ, съ какимъ удовольствіемъ получилъ я письмо ваше, дочерью вашею привезенное. Она можетъ засвидѣтельствовать вамъ, что не меньше онаго имѣлъ я и жена моя видѣть ее и предложить ей, чтобъ она домъ нашъ не почитала чужимъ. Мы просили M-me Weichart, чтобъ она доставляла намъ чаще случаи видѣть Елисавету Михайловну. Я признаюсь вамъ, что образованіе ея немало меня удивило. Мнѣ представлялось вещью невозможною въ Перми и Пензѣ имѣть средства къ воспитанію. Г. Цееръ просвѣтилъ меня, изъясня, что вы онымъ занимались исключительно.

«Теперь обращусь я къ подробному отвѣту на письмо ваше. Не можетъ, конечно, не быть пріятно каждому доброе мнѣніе, которое о немъ имѣютъ; а потому и для меня были утѣшительны разныя изъявленія чувства сего, по возвращеніи моемъ изъ чужихъ краевъ; не меньше былъ я тронутъ и благосклоннѣйшимъ пріемомъ государя, осыпавшаго меня и жену ласками и оказательствами наилучшаго къ намъ расположенія; но въ семъ единственно состояли сношенія мои съ его величествомъ, и слухи здѣшніе, разнесшіеся потомъ во всей имперіи, объ участіи моемъ въ образованіи областномъ, объ опредѣленіи меня въ министерство внутреннихъ дѣлъ и пр. не имѣли никакого основанія. Государь съ 1816 года, когда при отъѣздѣ моемъ нѣчто сказать изволилъ мнѣ о намѣреніи его учредить округи, ничего мнѣ не упоминалъ и никакихъ предложеній къ помѣщенію меня въ министерство не дѣлалъ. Объ округахъ однакожъ слышалъ я весьма много отъ разныхъ лицъ и видѣлъ тутъ намѣреніе государя вывести имперію изъ того отчаяннаго по администраціи положенія, въ коемъ онъ ее видитъ и о коемъ сокрушается; но при сихъ лучшихъ намѣреніяхъ не довольно былъ я вразумленъ въ учрежденіе сіе, чтобъ изъ онаго могъ ожидать той пользы, которою иные, болѣе меня, можетъ быть, свѣдущіе, могли ласкаться. По свѣдѣніямъ, до меня дошедшимъ, первое образованіе областей сдѣлано было у графа Аракчеева. Оно состояло въ томъ, чтобъ назначить генералъ-губернаторовъ къ четыремъ или пяти губерніямъ, съ тѣмъ, чтобъ они, не мѣшаясь въ обыкновенное теченіе дѣлъ губернскихъ, имѣли по всѣмъ частямъ главное наблюденіе съ обширною властью, въ видѣ инспекторовъ. Послѣ сего составлено было другое образованіе Н. Н. Новосильцовымъ, который, какъ кажется, примѣняясь къ устройству Царства Польскаго, предлагалъ областнаго намѣстника съ совѣтомъ, состоящимъ изъ членовъ, каждому министерству принадлежащихъ. Совѣтъ сей подъ предсѣдательствомъ намѣстника долженствовалъ имѣть обширную власть, ничего изъ губерній мимо него въ столицу не могло итти и vice versa и пр. и пр.

«Въ семъ послѣднемъ учрежденіи между многихъ неудобствъ нахожу

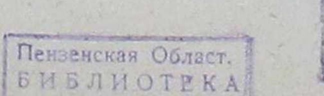
я важное то, что система единства, столь въ хорошей администраціи полезная, совершенно бы истребилась. Сколько намѣстниковъ, столько и системъ; сколько намѣстниковъ, столько пашей. Счастлива можетъ быть область та, которая попадается въ руки благоразумнаго и добраго намѣстника, но много ли такихъ наберется, а здѣсь упоминали о такихъ, коимъ бы жребія своего ввѣрить я не хотѣлъ.

«Первое учрежденіе (родъ инспекторскаго) я бы полагалъ удобнѣйшимъ, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что осталось бы существующее въ губерніяхъ неприкосновеннымъ, пока могли бы обратить вниманіе на свойственное преобразованіе учрежденія. Я совершенно съ вами согласенъ, что сіе послѣднее, и съ самаго начала недостаточное, требуетъ необходимо не только дополненій, но и полнаго установленія. Сіе именно твердилъ я здѣсь многимъ изъ людей, дѣлами кое-какъ занимающимся; но, по несчастію и добрыхъ слугъ государевыхъ и по большему еще несчастію самого государя, нѣтъ въ людяхъ сихъ никакой твердой системы; нѣтъ никакихъ точныхъ понятій объ управленіи. Каждый идетъ отъ своихъ и какихъ-то особенныхъ началъ. Иной хочетъ все привлечь къ себѣ; иной ищетъ, чтобъ только по части его шло хорошо, а все пропадай; иной думаетъ, что надобно слѣдствія, жосткость, непомѣрная строгость и пр.; но никто не хочетъ или не умѣетъ вразумиться, что все сіе составляетъ вмѣстѣ систему разрушенія въ администраціи; что умножающіеся безпорядки, всякое воображеніе превосходящіе, конечно, заключаютъ какія-нибудь коренныя начала, а не побочныя мелкія обстоятельства и что, вѣроятно, зло происходитъ отъ недостатка или несвязанности въ установленіяхъ. Но если бы, къ счастію государя, и превозмогли здѣсь сіи истинныя начала, то кто при лучшихъ намѣреніяхъ его величества исполнять оныя будетъ? Въ подтвержденіе моего тутъ сомнѣнія приведу вамъ въ примѣръ учрежденіе областей. Три года онымъ занимаются, и какъ доселѣ никто не придумалъ, какимъ образомъ наилучше намѣреніе его величества выполнено быть можетъ. Впрочемъ я скажу вамъ откровенно, что многое меня здѣсь удивило и произвело во мнѣ чувство немалаго сожалѣнія. Вы знаете всю доброту души государя, либеральныя его правила; желаніе его, чтобъ справедливость на твердыхъ началахъ была основана. Началъ сихъ трудно искать. Вездѣ употребляютъ имя его, вездѣ хотятъ дать волѣ его видъ, правиламъ его несоотвѣтственный; однимъ словомъ, мнѣ кажется, что въ сравненіи прошедшаго мы далеко ушли вспять, и если скоро не осмотримся, то еще далѣе уйдемъ.

«По всѣмъ симъ уваженіямъ, и единственно только по онымъ, я бы чрезмѣрно желалъ, чтобы вы были здѣсь употреблены. Два предмета могли бы составить полезное въ обязанностяхъ вашихъ упражненіе: законы и учрежденія. Вы соединяете практику съ теоріею; а у

насъ, истинно, никого нѣтъ, который бы могъ удовлетворить по симъ частямъ ожиданіямъ его величества. Вы пишете о намѣреніи вашемъ искать увольненія отъ службы; но если бы предложено было вамъ здѣсь мѣсто, неужели не согласились бы вы, вмѣсто Сената, посредствомъ такого переходу возстановить себя въ томъ положеніи, коего вы послѣ ссылки вашей желаете? Скажите мнѣ при случаѣ мысли ваши. Впрочемъ я легко себѣ представляю, что, послѣ прошедшаго, съ трудомъ можете вы желать основать себя здѣсь. Партіи здѣсь по-прежнему существуютъ, но тѣ же люди, которые прежде васъ ругали (не при мнѣ однакожъ), теперь васъ хвалятъ или по крайней мѣрѣ изъявляютъ сомнѣнія въ преступленіи вашемъ. Сначала всѣ къ вамъ обратятся; а дѣло ваше будетъ расположиться въ предѣлахъ надлежащей осмотрительности. Все сіе, конечно, не можетъ тѣшить; я и противу себя вижу уже направляющіяся пружины; но это суть послѣдствія положенія всѣхъ тѣхъ людей, кои у насъ что-нибудь значили; это есть свойство нашего правительства. Я и въ отношеніи себя различаю двѣ вещи. Желанія къ службѣ дѣятельной, при теперешнихъ стихіяхъ и при худомъ здоровьѣ моемъ, не могу я имѣть; но нѣкоторая обязанность, упованіе, что, можетъ быть, дѣла поправятся, мысль, что, можетъ быть, иной хуже тебя еще будетъ, заставятъ меня, при личныхъ моихъ къ государю отношеніяхъ, принять мѣсто, если оно будетъ, какъ то утверждаютъ, мнѣ предложено и если основанія, на коихъ оно будетъ мнѣ предложено, покажутъ мнѣ хоть нѣкоторую возможность быть полезнымъ. Возвращеніе его величества рѣшитъ участь мою. Мнѣ кажется несомнѣннымъ, что министерство полиціи присоединится къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а о Балашовѣ заключаютъ, что онъ получитъ званіе окружнаго начальника въ Казани. Я собираюсь составить записку о разныхъ предметахъ по внутреннему управленію къ пріѣзду его величества. Полагаю коснуться и до крестьянъ. Нужно непремѣнно вывести государство изъ настоящей нерѣшимости. Всѣ чего-то боятся. По моему мнѣнію, лучше дать свободу, нежели томить людей непрестаннымъ страхомъ. Я думаю, что большой шагъ былъ бы сдѣланъ, если бы опредѣлены бы(ли) закономъ повинности крестьянскія, дано было имъ право судиться съ помѣщиками и пр., однимъ словомъ, если бы безъ оглашенія постановленіями уничтожено было рабство и крестьяне привязаны были къ землѣ. Въ министерствѣ финансовъ занимаются образованіемъ казенныхъ палатъ. Полагаютъ совсѣмъ отдѣлить отъ губернскаго начальства. Я говорилъ людямъ, кои управляютъ симъ министерствомъ, что это никуда не годится. Чѣмъ болѣе въ губерніяхъ развлечены будутъ власти, тѣмъ болѣе, по мнѣнію моему, произойдетъ неустройства.

«Обращаясь снова къ вамъ лично, позвольте мнѣ предложить вамъ нѣсколько разсужденій. Мнѣ кажется, что въ положеніи вашемъ желать

Пензенская Област.
БИБЛИОТЕКА

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук СССР

вы можете, чтобъ прекратилось нѣчто неопредѣлительное, въ ономъ еще оставшееся. Нерѣшимость сія происходитъ неминуемо отъ того, что трудно взять на себя увидѣть васъ, при самомъ однакожъ несомнѣнномъ желаніи, чтобъ сіе совершилось. Что бы васъ ни ожидало сообразно мыслямъ вашимъ, увольненіе или служба, все полезно было бы прежде выйти изъ сего несообразнаго положенія. Я думаю, что вы могли бы попросить дозволенія прибыть сюда, объясня, что вы желаете сего для окончанія дѣлъ вашихъ (продажи дому и деревни) и полагаете остаться въ столицѣ на самое короткое время; но если бы еще могли вы взять на себя самое полезное предпріятіе составить систематическое описаніе о недостаткахъ въ губернскомъ устройствѣ и о способахъ исправленія, то непосредственнымъ доставленіемъ сочиненія сего къ его величеству оказали бы вы немалую услугу, изъяснивъ при томъ въ письмѣ ту мысль, что указомъ, по коему опредѣлены вы губернаторомъ, предоставлено было вамъ заслужить милость его величества, что высочайшимъ одобреніемъ по отправленіи должности вашей вы достигли счастія удовлетворить ожиданіямъ etc. etc., но что, сверхъ сего, руководствуяся неограниченной преданностію къ его величеству, зная, сколь велики суть старанія его объ устройствѣ государства, и убѣждены будучи въ настоятельной нуждѣ исправленія, вы повергаете (хотя сокращенно) все то, что изъ опыта нынѣ еще болѣе сдѣлалось вамъ извѣстнымъ, что вы, не обременяя его величество обширнымъ изложеніемъ недостатковъ и лучшаго устройства, готовы будете представить оныя тому, кто получитъ приказаніе съ вами снестись; что тутъ не имѣете вы и не можете имѣть лично никакихъ видовъ, понеже просьба, вами прежде принесенная о сенаторствѣ, должна служить доказательствомъ, что вы не могли прочить себя къ продолжительному занятію настоящаго вашего мѣста и пр. Я думаю, что подвигъ сей могъ бы быть весьма полезенъ; вреда же, безъ сомнѣнія, не можетъ онъ произвести. Много я о семъ думалъ и удостовѣренъ, что вездѣ, такъ, какъ и у насъ, надобно избирать приличное для всего время, а таковымъ нахожу я настоящее для расположенія вышеупомянутымъ образомъ поведенія вашего; но надобно только поспѣшить, дабы напрасно не потерять времени.

«Впрочемъ я не нахожу нужды удостовѣрять васъ, что, предлагая вамъ мысли сіи, я не могу имѣть никакихъ личныхъ видовъ. Двумя побужденіями руководствуюсь я: желаніемъ, чтобы государь пріобрѣлъ въ васъ полезнаго слугу, и желаніемъ, чтобъ вы выведены были окончательно изъ непріятнаго положенія вашего. Вы сему легко повѣрите, зная меня и вспомня, что я не только чрезъ васъ ничего не искалъ, когда вы здѣсь были, но что и самъ лично ни о чемъ, до меня касающемся, не безпокоилъ его величество. Я паче всего желаю, чтобъ могло умножиться число людей способныхъ въ разныхъ званіяхъ. Недостатокъ

оныхъ есть прямое бѣдствіе. Удивитися надобно, какъ мы отошли назадъ даже въ отношеніи редакціи бумагъ; перемѣнился языкъ, и логики не много.

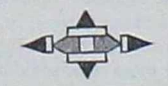
«Описывая мнѣ обстоятельства перемѣны положенія вашего, вы весьма съ основаніемъ оказываете нѣкоторое удивленіе, что дѣло ваше было связано вмѣстѣ съ дѣломъ Магницкаго. Я всегда считалъ его различнымъ и еще болѣе теперь здѣсь удостовѣрился, что вы весьма правильно онаго съ своимъ не сливали. Г. Магницкій можетъ имѣть хорошія качества, но не полагаю я, чтобъ онъ о всемъ здраво судилъ и чтобъ всегда благоразумно поступалъ. Вы не можете напередъ соединять съ нимъ вашего жребія.

«Поздно, можетъ быть, примѣтилъ я, что искреннее мое желаніе вамъ всякаго добра заставило меня перейти предѣлы, дозволяемые въ обыкновенномъ партикулярномъ письмѣ. Я не извиняюсь, ибо побужденія мои вамъ извѣстны. Прошу по прочтеніи истребить мое письмо, не потому, чтобъ я не былъ готовъ всегда сознать того, что я пишу, но потому, что многіе меня не разумѣютъ и что изъ многихъ опытовъ видѣлъ я, что и самыя чистыя намѣренія нерѣдко у насъ перетолковываются.

«Примите увѣреніе искренней моей преданности».

Такимъ образомъ и отъ Кочубея, вмѣсто помощи и прямаго содѣйствія, были только—совѣты. Прождавъ нѣсколько мѣсяцевъ, не послѣдуетъ ли чего по отправленному черезъ Вязмитинова письму о сенаторствѣ, Сперанскій, въ началѣ февраля 1819 года, обратился къ тому же Вязмитинову, какъ непосредственному своему начальнику, съ ходатайствомъ о четырехмѣсячномъ отпускѣ въ Петербургъ для устройства домашнихъ дѣлъ. Но Сперанскаго ждало другое: 22-го марта 1819 года былъ подписанъ указъ о назначеніи его сибирскимъ генералъ-губернаторомъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

ц. - 02к.

0=02к